

Appendix

Pospelova

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО! ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!¹

Слава, спутница добродетелей, украшающих человечество, повсюду гремющая о превосходных дарованиях и Ангельских добродетелях души Вашей, дает мне смелость принести *Вашему Императорскому Высочеству* первые плоды трудов моих. Имя Ваше будет украшением оных; и я льшу себе надежду, что Серафинская душа Ваша удостоит благосклонного приятия жертву усердной Россиянки.

Сколь восхитательна, сколь сладостна для меня мысль сия, что чувства и мысли мои относительно к религии и добродетелям, помещенныя в небольших разсуждениях, будут открыты пред очами Вашего Императорского Высочества! Я надеюсь, что Вы по благосклонности великим душам свойственной, извините недостатки и погрешности, в сочинении моем находящаяся, и великодушно простите, что между прочим поместила я некоторыя безделки — рисунки моего воображения в свободные часы мною начертанныя.

Your Royal Highness! Most Munificent Sovereign!² Glory, the traveling companion of virtue, adorning humanity, everywhere ringing forth Your superior gifts and the angelic virtues of Your soul, grants me the courage to present to Your Royal Highness the first fruits of my works. Your name shall be adorned by them; and I flatter myself with the hope that Your Seraphic soul will consider it worthy to kindly accept this sacrifice by a zealous Russian maiden. How enchanting, how sweet for me is the notion that my thoughts and feelings about religion and virtue, included in these small musings, will be revealed to the eyes of Your Royal Highness! I hope that You, with the kindness of a great soul, will forgive the shortcomings and imperfections that are found in

-
- 1 Mariia Pospelova: *Luchshie chasy zhizni moei*. Tipografia gubernskago pravleniia: Vladimir 1798, [n.p.].
 - 2 Amanda Ewington (ed. and transl.): *Russian Women Poets of the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries*. Centre for Reformation an Renaissance Studies at the University of Toronto: Toronto 2014, p. 348.

my compositions and will mercifully forgive me for incidentally including several trifles—pictures of my imagination sketched in my free hours.

Майское утро³

Прелестной свет зари багряной
Восточной край небес покрыл,
Разсыпал блеск лучей румяной,
От сна Природу возбудил.

В одежде утренней прелестной,
Явились ея красы.
Какой приятностью любезной
Наполнены сии часы!

Земля и небеса сияют
Пленяющей глаза красой.
Все виды прелестьми блистают
И дух в восторг приводят мой.

Свет — жизнь творения и радость
От нас мрак ночи удалил;
Прогнав забвение, он сладость
В сердцах живущих возбудил.

Уже прятной Гимн воспели
По рощам птички и полям.
Играют пастухи в свирели;
Стада гуляют по лугам.

Луга, покрытия цветами,
Блестящая роса поит.
Ручей, кристальными струями
Виясь по песку журчит.

Наполнен воздух ароматным,
Прелестным запахом цветов,
И с шумом ветерок приятным
Резвясь летает средь лугов.

3 Pospelova 1798, 'Maisкое утро', pp. 73–74.

Из рощей тени удалились.
Луч солнечной проник в леса;
Его лучами озлатились
Зелены, светлы дрevesа.

Как мило все и как приятно,
Как чисты, ясны небеса!
Ах! сердцу нежному понятно,
Сколь утра сладостна краса.

Все, все веселием сияет,
Все дышит радостью одной.
С улыбкой кажется встречает
Природа Майский день молодой.

Красой, величеством разящих,
Разлив тьму блесков наконец
В сиянии лучей блестящих
Явился светлый дня отец.

Сколь много сердце восхищает
Сиянье красоты его!
Сколь много душу возвышает
Великость зрелища сего!

May Morning⁴

*The lovely light of crimson dawn
Covered the sky's eastern edge,
Scattered the rosy brilliance of its rays,
And awakened Nature from her sleep.*

*Her beauty is displayed
In this charming morning attire.
With what sweet pleasantness
These hours are filled!*

4 Ewington, pp. 357–359.

*The earth and sky shine
With a beauty that enchants the eye.
Every vista sparkles with charm
And enraptures my spirit.
Light—that joy and soul of creation—
Removes from us the gloom of night.
Having chased away oblivion,
It awakens sweet delight in living hearts.*

*Already little birds have sung a pleasant hymn
O'er the fields and groves.
Now shepherds play the reed.
Herds wander o'er the meadows.*

*The meadows, blanketed in flowers,
Are bathed in shiny dew.
The brook babbles,
Its crystal current winding along the sand.*

*The air is filled with the flowers'
Lovely fragrance
And the light wind, with a pleasant whisper,
Rushes along, frolicking amidst the meadows.*

*Shadows have withdrawn from the groves.
A ray of sun has penetrated the forest.
Its rays have turned the bright
Green trees to gold.*

*How delightful everything is and how pleasant.
How pure and clear are the skies!
Ah! a tender heart understands
How sweet is morning's beauty.*

*Everything shines with merriment;
Everything breathes joy alone.
It seems that Nature greets the young May day
With a smile.*

*In all his majesty and beauty,
Spreading myriad sparks of light
The bright father of day appears
Shining in his brilliant rays.*

*How the heart is captivated
By his radiant beauty!
How greatly the soul is elevated
By the grandeur of this spectacle!*

Bolotnikova

Упрек мужчинам⁵

Какое преступленье
Соделал женский пол,
Что вечно в заключеньи
Он страждет от оков? —
Природа — мать правдива;
Ко всем она равна.
Почто же мысль кичлива
К вам в голову взошла,

Что будто бы возможно
Одним вам чудеса творить? —
Но нам зачем же должно
Капризы переносить?

Природа сотворила
Защитниками вас,
И вам определила,
Покоить только нас.

Пристрастно же толкуя
Ея Святой закон,
Над нами торжествуя
Вы заглушаете нам стон.

Нет! лучше перестаньте
Нас бедных обижать.
Сердечной пожелайте
К нам дружбою дышать.
Тогда сама природа
Лелеить будет вас;

5 Mariia Bolotnikova: *Derevenskaia lira, ili chasy uedineniia*. Tipografiia Reshetnikov: Moscow 1817. 'Uprek mushchinam', pp. 29–30.

Тогда-то милая свобода
Утешит в скуке нас. —

A Reproach to Men⁶

*What misdemeanour can it be
The female sex committed,
That means for all eternity
We're shackled and imprisoned?*

*As a mother, nature's fair,
She treats us equally,
How can it be you've come to think
Such arrogant thoughts as these?*

*How could it be the case that you
Alone work miracles?
And why is it we have to bear
The brunt of your caprice?*

*What nature had in mind was that
You'd turn into defenders,
In her design she meant for you
To care for us alone.*

*You twist the meaning that you find
Writ in her sacred law;
You sense your triumph over us
And stifle all our cries.*

*It would be better if you stopped
Offending us poor souls,
If you could wish to live with us
In friendship that was true.*

*You'll find that mother nature, then,
Will want to cherish you;
You'll also see how gentle freedom
Calms us in our boredom.*

6 Translation by Emily Lygo.

Ответ на послание к женщинам*7

* Г. Сочинитель еще не издал в свет своего творения под заглавием: Послание к женщинам. В сем послании видеть можно лесть в высшей степени. Оно начинается так:

Женщин милых в свет рожденье
Есть награда от богов — и проч.

Когда бы все так почитали
Наградой женщин от небес;
То меньше б в свете мы страдали
И каждый свой имел бы вес.

Тогда б напасти удалились
От сердца нежного на век; —
Восторги б, радости явились,
Вкушал бы щастье человек.

Блаженству не было б препоны;
Достичь бы всяк желал сильней
Не почестей земных, короны,
Но что бы милой быть милей.

Но ах! не в то живем мы время, —
Любовь сокрылася в лесах; —
И мы напастей, бедствий бремя
Всегда зрим в новых чудесах... —

Так! женщину считают
Рулеткой на земном шару;
Сего дни дерзостно ругают,
А завтра вознесут — в жару —

В жару и Олтари нам строят,
Название Ангелов дают;
Клянутся, в страсти пылкой ноют,
Источник даже слез лиют.

Но лишь подунул ветерочик:
Погас огонь уж страстный весь,

7 Bolotnikova, 'Otvét na poslanie k zhenshchinam', pp. 52–55.

Как будто резвой матылиочек,
В долине скрылся и исчез. —

Потом к другой — с таким же тоном
Стремится в сети заманить;
С плачевным, жалким сердца стоном
Всю жизнь ей хочет посвятить. —

Но коль невинная решится
Коварным сим словам внимать;
Пошла страдать, пошла крушиться,
Конца печалям не видать! —

Не лучше ль у мужчин учиться
Взаимно тем же тоном петь,
Чтоб было нечего страшиться?
От леговерия терпеть. —

Не много смертных здесь найдется,
Могущих щастье ощущать. —
В посланьи рыцарь ... признается,
Что можно оное сыскать.

В объятиях супруги милой,
В кругу малюточек своих,
Где можно жить лишь дружбы силой
И исполнять свой долг для них.

Едва ли точно, не притворно
Свое он мненье написал;
Пристрастья вижу я довольно,
Хотя он клятвой подтверждал,

Что женщин точно почитает
Священной связью меж людей,
Их Ангелам предпочитает; —
Страшусь поверить лести сей! —

Вот что-то из стари зовется —
Вот смысл пословицы моей:
Огнем кто больно обожжется,
Тот будет дуть и на людей. —

An Answer to the Epistle to Women^{*8}

**The author has not yet published his work entitled 'Epistle to Women'. In that epistle is found the highest degree of flattery. It starts thus:*

*Birth of gentle women on the earth
Is a gift from the gods. (And so on)*

*If everyone was of the mind
That women are a gift from God,
We'd suffer less while on this earth,
And have our own authority.*

*And misery would then recede,
Would leave our tender hearts forever;—
Instead, delight and joy would come,
And people would taste happiness.*

*There'd be no obstacles to bliss,
And each would only desire more,
Not some earthly honour or crown,
But to be sweeter to your dear one.*

*Alas, that's not the time we live in,
Now love is hidden in the woods,
Now misery and misfortune's burden
Keeps turning up in wonders new.*

*Yes! Now they think of women like
A roulette wheel upon this earth.
One day they curse them brazenly,
Then elevate them, gripped by ardour.*

*In ardour they build altars to us,
They call us by the name of Angel;
They swear, they moan in fiery passion,
Even weep a flood of tears.*

*It only takes a wind to blow:
The flame of passion's soon put out,
As though a playful moth flew by
Hid in a valley, disappeared.*

8 Translation by Emily Lygo.

*On to the next—his tone's the same,
He tries to lure her to his net;
The sorry, weeping moan of his heart
Declares he'll pledge his life to her.*

*And if the innocent girl decides
To listen to these cunning words,
She's doomed to suffer, doomed to grieve,
She'll never see an end to woes.*

*Far better learn our ways from men,
And sing their sweet song back to them,
So that we'd have no more to fear?
No suffering from credulity?*

*There are not many mortals who
Are capable of happiness.
The knight in his epistle says
True happiness is there to find,*

*It's in the arms of your beloved,
Encircled by your little ones,
Where you live on the strength of friendship,
Do your duty for them all.*

*It's not quite right, there's some deceit
In this opinion he wrote down;
There's quite a bit of bias here,
Although he vows it is the truth.*

*That he considers women to be
A sacred linkage between men,
He favours them above the Angels:
Such flattery I dread to hear!
Now I recall some words of old—*

*The meaning of the proverb's this:
If you're badly burned by fire,
You'll start to blow on other people.*

Баснь: Собака и ягненок⁹

Однажды по лугам-то летнею порою,
Когда в природе все блистает красотою
Собака, бегавши туда сюда
От подвигов своих устала.
От подвигов? — она цветов искала? —
Нет! нет!
Хоть ныне странен свет:
Но ей не свойственно ботанике учиться,
Как мотылку на дереве садиться.
Она искала пищу на лугах;
А пища ведь ея не состоит в цветах;
Собаки сена не едят;
Оно растет для лошадей, коров, ягнят.
Собака, скучивши гуляньем
И бесполезным по лугам рысканьем,
На мягкой мураве под кустиком легла
И больше бегать не могла. —
Невинный агнец близ тут травочку щипал
И тем свой голод утолял,
Как вдруг нечаянно к собаке он подходит.
И что же тут находит? —
Собака на него со злобой устремлилась,
В бока ему вцепилась,
Кусала, грызла и хотела умертвить;
Но бросив наконец ягненку говорит:
«Не смей вперед ко мне ты приближаться
И моей пищей наслаждаться.» —
Но ей конечно жалко, что другие
Находят сладость в пище сей,
Вот каковы собаки злые!
У других травку отнимают,
А сами вкуса в ней не знают. —

9 Bolotnikova, 'Sobaka i iagnenok', pp. 58–60.

A Fable: The Dog and the Lamb¹⁰

One day, with summer at its height,
And nature's beauty dazzling,
A dog ran up and down through fields
Then wearied of its labours.
Labours! Was it seeking flowers?
No! Though the world is strange,
Still dogs don't take to botany
As moths might settle on trees.
The dog was in the fields for food,
But flowers are not its fare, it can't
Eat grass,
That grows for horses, cows and lambs.
The dog grew bored of running round,
Of fruitless foraging in fields,
Tired out, it found a sward of grass
In shade, lay down and ran no further.
A guileless lamb was nibbling grass
To satisfy its hunger, when
It came upon the dog by chance,
And what should come to pass?
The dog set on the lamb in anger,
Clawing at its sides,
Biting, gnawing, set to kill,
But then let go and cursed:
'Don't dare come near another time,
Take pleasure in my food.'
Of course, it rued the fact that some
Found sweetness in the grass.
And that's how nasty dogs can be.
They take from others grass and hay
When they don't like it anyway.

¹⁰ Translation by Emily Lygo.

Разсуждение моего Дворецкаго¹¹

Скоро свечка так сгарает?
Ванька, слышу я, спросил;
Видно барыня читает
Всё Глафиру и Камин.

Нет! отпала бы охота,
Ночку с книгой провождать;
Коль узналаб, сколь работа
Тяжела нам — жать, пахать.

Коль досталось бы денючик
Ей хотя помолотить,
Иль гресть сено на лужочик,
Или с поля хлеб возить: —

Тогдаб рада лишь до места
К уголочку где прильнуть
И, покушав кисол, пресно,
Поскорее бы заснуть.

Господам какое горе?
Лишь проснулись — за чай,
А там завтрак так же вскоре:
Реж, спеши, приготовляй.

Бедный повар суетится
Каждый час подле огня —
Блюд до дюжины варится,
Нет ему покойна дня.

Что за роскошь? — за обедом
Пьют заморское вино;
А крестьянин с черным хлебом
Есть садится толокно.

Правду молвить — мы и сыты,
Кашу, щи едим всегда;
Но боимся, что бы биты
Были старостой когда.

11 Bolotnikova, 'Razsuzhdenie moego Dvoetskago', pp. 18–22.

Он у нас мужик свирепой;
Не даст летом нам гулять;
На заре уже одетой
Спешит всех к работе гнать.

Мыж ребята непривычны —
Нам ли за сохой ходить?
Господаж хотят отличны
В нас таланты находить.

Ведь одним чем заниматься —
Будем в комнатах служить,
А то девки разрезвятся
И начнут уж рюмки бить.

И буфет весь опустеет
Без дворецкого тогда;
Девка на пол ромом сеет,
Вряд взойдет ли он когда!

А во всем мы виноваты —
И что свечки все горят!
Видно были не прибраты,
Господа о том твердят.

Да расходу им ведь много —
Я, позвольте, доложу;
Парикмахер кричит строго:
«Я ведь барыне скажу,

«Что без сала не возможно
«Ныне голову убрать —
«Им, пригладив осторожно,
«Можно пуклю завязать. —»

Ах! такой охоты к чтенью
Нигде верно не сыскать!
Наша барыня в ученьи
Любит время провождать.

День и ночь всегда читает
Про Парфиона и авось;

Но хозяйских дел не знает,
По ней все в огонь хоть брось.

Говорят, что не читали
В старину-то Господа;
А их хлеб, соль все знавали,
Но не та теперь пора.

Все в Поэзию пустились;
Звезды все хотят щитать;
Мнят, что очень просветились,
А хозяйство? — не им знать!

My Butler's Thoughts¹²

*Will the candle burn down soon,
I heard how Vanka asked,
Her ladyship must still be reading
Glafira and Kamin.*

*But she would soon think better of
Her late nights spent with books
If she'd some notion of how hard
It is to reap and plough.*

*If she had just one day in which
She even had to mill,
Or in the meadow thresh the corn,
Or fetch the wheat from fields:—*

*Happy just to get back home
And settle in her corner;
Once she'd eaten bland kissel,
She'd soon drop off to sleep.*

*What problems do the masters know?
They send for tea on waking,
Then order breakfast not long after,
Slice quickly, get it done.*

12 Translation by Emily Lygo.

*The poor old cook's rushed off his feet,
Forever at the stove,
Cooking for a dozen diners,
Never a quiet day.*

*And what about the luxury,
Foreign wine at lunch,
Meanwhile the peasant sits to eat
His oatmeal and black bread.*

*To tell the truth, we don't go hungry,
Always kasha, soup,
But what we fear is one day we'll
Be beaten by our master.*

*He's such a beast he never gives us
Time off in the summer,
At dawn he's dressed, and in a rush
He chivvies us to work.*

*Now we are such unusual men,
Should we be at the plough?
And yet the masters want to see
Our talents shining through.*

*We have but one main job to do,
We must serve in the house,
If not the servant girls let loose
Will start to smash the glass.*

*The cupboards won't be full for long
Without the butler there,
The girls will sow the floor with rum,
I don't think that will grow.*

*But we're the cause of all the problems—
The candles should be snuffed,
And no one's tidied them away,
The masters tell us that.*

*Yes, your expenses do pile up,
And I can tell you why,
The hairdresser shouts angrily
The mistress needs to know*

*You see, your hair cannot be styled
Without some pork fat on it,
Smooth it over carefully
To tie it in a bun.*

*You know, such love for reading books
You'll never find elsewhere,
Our mistress loves to spend her time
Just studying away.*

*By day and night she's always reading,
The Parthenon and so on,
But as to how to run her farm,
Why not just burn it down?*

*They say that in the olden days
The masters never read,
We knew they'd share their bread and salt,
But now those days are passed.*

*It's all been lost to poetry,
They're all off counting stars,
It seems as though they're now much wiser,
But run the farm? No chance.*

Naumova

К Делии¹³

Счастлив укрывшийся от злобы и сует
Под кровлей сельскою, в тиши уединенья
Кто дни в полях своих с безопасностью ведет
И в дружбе милых Муз находит наслажденья!

Ах! он почувствует, как житель городской,
Последствий горестных от жизни развлеченной,
В полях и хижинке его всегда покой,
Невинных, чистых душ товарищ неизменной.

13 Anna Naumova: *Uedinennaia muza zakamskikh beregov*. Universitetskaia tipografia: Moscow 1819. 'K Delii', pp. 127–129.

И шум убийственных, мечтательных утех
Сравниться может ли с веселостью сердечной?
И там ли счастье, где со слезами смех,
Где связан человек, где он — невольник вечной?

О Делия, мой друг! завидую тебе!
Ты в хижинке своей, не зная принуждений,
Ни тягостных забот, поешь хвалу судьбе;
А я, несчастливый, я, жертва оболщений,

Встаю с заботами, с заботами ложусь,
И утомившись, в мечтаньях засыпаю.
Но сон мой сладок ли? Нет; я во сне крушусь,
Игрушкой случая, рабом страстей бываю.

И нет мне радостей, меня бежит покой;
Увял цвет юности, и — в тридцать лет морщины!
Меж тем в полях своих, невинная душой,
Ты, Делия, цветешь, не зная злой кручины.

И дай Бог, чтоб ее не знала никогда,
В тени дубрав своих от света укрывалась,
Как тихой ручеек чтоб жизнь твоя текла,
И бурями страстей отнюдь не возмущалась.

И дай Бог Делии ввек горя избегать!
Чтоб хижинка для ней все счастье заключала,
Чтоб сердцем отдохнув, она могла сказать:
«Вот здесь-то наконец спокойствие узнала!»

To Delia¹⁴

*Happy is he that hides from hate and bustle,
Who lives in peaceful, rural solitude,
Whose carefree days are spent in open fields,
Whose pleasure comes from friendship with the Muse.*

*He understands, like people from the city,
How life filled with distractions is a sorrow,*

14 Translation by Emily Lygo.

*His cottage in the fields is filled with peace,
The faithful friend of innocent, pure souls.*

*Can the noise of deadly, dreamy joys
Compare with true delights felt by the heart?
Can happiness be true when mixed with tears?
Or when a person's bound, in thrall forever?*

*O Delia, my friend, I envy you,
You never feel such pressure, in seclusion,
No cross to bear, you sing the praise of fate,
Whilst I, unhappy, suffer from delusion,*

*I rise with troubles, with them go to bed,
And weary, fall asleep with idle thoughts,
Are my dreams sweet? No, keening in my sleep,
I am a toy of fate, a slave of passion.*

*I have no joy, and peace eludes me still,
My youth is fading fast, wrinkles at thirty!
While in your fields, your soul is innocent,
You blossom, never knowing evil sorrow.*

*And God forbid you ever come to know it,
Be shielded from the world by shady oaks,
May life flow like a peaceful stream for you,
And stay untroubled by the storms of passion.*

*Yes, God keep Delia innocent of sorrow,
Her cottage should be full of happiness,
And when her heart's at rest, may she profess,
'Right here, at last, I recognize this peace!'*

Счастлива Делия, Поэт уединенный...¹⁵

Счастлива Делия, Поэт уединенный
Так мило, мило так которую воспел;
Конечно, Ангелом быв свыше вдохновенный,
Блаженство мирных дней так выразить умел!
Невинных, чистых душ Эдемско наслажденье

15 Naumova 1819, 'Schastliva Delia, Poet uedinennyi...', pp. 130–135.

Как живо в Делии своей представил он,
И в сельской тишине какое услажденье
В беседе милых Муз им дал ей Аполлон!

Как градску суетность спокойствием заменяет,
В тени дубрав ея сколь ей утех дает!
Любезной простотой как Делию пленяет!
Какая на нее дары небесны льет!
Но гдеж та Делия, котору воспеваает
С таким восторгом чувств пустынный наш Певец,
В уединении которой он свивает
Из мирт, из лилиев прелестной свой венец?

Где, где та Делия, в которой он представил
Небесных жителей чудесных идеал,
Котору песню своею так прославил,
Которой чувства он превыше смертных дал?
Ах! где та Делия, котора так счастлива,
Как чистой ручеек дни коей протекут,
Судьба с которой так живет миролюбиво,
От коей Гении коварных отвлекут?

Где, где та Делия, котора заключает
В укромной хижинке все счастье свое,
Которую уже ничто не огорчает, —
Где можно отыскать обитель мне ея?
Пошлаб охотно к ней в подруги неизменны,
И Музу робкую своюб к ней привела;
Ей вверила бы я все чувства сокровенны,
Без страха бы уже с ней дружество свела!

И с милой Делией вечернею порою
Беседовалаб я спокойно в тишине.
Друг друга тешилиб мы лирною игрою;
Вилаб венки ей, онаб свивала мне;
Или б в дубраву мы пошли рука с рукою;
Или близь ручейка мыб сели отдохнуть,
И там, чуть тронуты сердечною тоскою,
Спешилиб милых нам друзей вспомнить.

Тут торопились бы в свое уединенье
И рукодельем бы прилежно занялась;
Коль чуть соскучились, тотчас за песнопенье
Охотноб, веселоб мы с нею принялись,
Взаимно строивши нам драгоценны лиры,
Воспелиб счастье своих беспечных дней;
Под имем Клоинки, Прелесты, иль Темиры,
Воспелаб милую я юности моей.

В обитель мирную свою бы принимали
С гостеприимностью мы странников всегда,
Простосердечно бы рассказам их внимали,
Но с осторожностью их слушалиб тогда:
Вить опыт научил страшиться днес коварных
И от клеветников укромной дом хранить,
Беречься завсегда людей неблагодарных
И слишком дорого ужь свой покой ценить.

Завистникиб могли свои тож планы строить
И в мирну хижинку раздоры заключить
И снова дружество и счастье разстроить
И с Делией меня, как с С..., разлучить.
Кто может отгадать все мысли лицемерных,
Все происки людей зломысленных узнать?
В приятельских лицах найдем друзей неверных;
Простосердечнымиль льстецов тотчас признать?

Однако, как же жить, когда всего страшиться?
Хранитель-Ангел наш пусть нас остережет.
Ужель сообщества подобных нам лишиться?
Всевышний, благий Бог от злых нас сбережет.
Пускай с простыми мы, с открытыми душами
На встречу странников без ропота пойдём.
И не с коварными, но с добрыми сердцами,
В укромной домик свой невинных приведем.

Вот так бы с Делией я в хижине смиренной
Жила бы по просту, спокойно, без затей.
Дорогу укажи, Певец уединенной!

И робкой Музе ты к любимице твоей!
Да полно правда ли? найдется ли в сем мире
Блаженство райское, воспетое тобой?
Нет; верно, верно ты, когда играл на лире,
По чести занят был фантазией, мечтой.

Иль, может, что ты был наружностью обманут,
Иль, по слуху судил о Делии своей;
Но истину одну вещать когда же станут?
Иль в тридцать лет еще не знаешь ты людей?
Наружность иногда обманчива бывает.
Поверь мне: часто тот, кто весело поет,
Под час в душе своей томится, унывает,
Поверь мне, иногда и слезы то же льет.

Поверь, здесь не найдешь ты благ всех совершенство;
Где смех, где вздохи, там веселие с тоской;
И то здесь почитай за райское блаженство,
Коль мало мальски где найдется хоть покой.
Престань завидовать ты Делии любезной;
Не так, как хочется, как Бог велел, живи.
Нет с Делией путей — то поиск бесполезной;
Со мною ты ее мечтою назови.

Happy is Delia, She Was Sung so Sweetly¹⁶
*Happy is Delia, she was sung so sweetly,
So sweetly by a solitary Poet,
With angels from above inspiring him,
He could evoke the bliss of peaceful days!
So vividly he showed in Delia
Edenic joy in pure and innocent souls,
And in her quiet village gave such sweetness
That comes from talk with Muses, from Apollo.*

*And as the city's bustle turns to calm
Beneath the shady oaks, she feels such pleasure,
Enchanted by such strange simplicity,
What heavenly gifts are poured upon her brow!*

16 Translation by Emily Lygo.

*Yet where now is that Delia who was sung
With rapture by our solitary poet,
Whose solitude he used to weave a wreath,
A wondrous crown adorned with myrtle, lilies.*

*O where is Delia, in whom he saw
The image of some wondrous heaven dwellers,
The Delia his song so glorified,
Endowed with higher sensibilities.
And where now is that Delia, so glad,
For whom the days flow past a crystal stream,
With whom Fate lives in perfect harmony,
Whose genius rebuffs all things corrupt.*

*Where, O where is Delia who contains
Her happiness in just one humble cottage,
There's nothing in the world to raise her ire,
Where can I find her modest, small abode?
I'd gladly be a stoic friend to her,
I'd take my timid muse along to see her,
Entrust her with my innermost desires,
And have no fear embarking on our friendship.*

*And come the evening, with sweet Delia,
The world at peace, we'd quietly chat away,
We'd calm each other playing on the lyre,
I'd weave her wreath, she'd fashion one for me,
Or hand in hand we'd wander to the grove,
Or near the stream we'd sit and take a rest,
And at a tinge of sorrow in our hearts,
We'd quickly bring to mind our dearest friends.*

*And then we'd hurry back to solitude,
Take up again our craft assiduously,
And any time if bored, we'd start to sing,
Strike up a song with energy and zeal.
We'd help each other tune our dearest lyres,
We'd sing about our happy, carefree days,
For Kloinka, for Prelest or Temira
I'd sing in praise a sweet song of my youth.*

*And at our peaceful dwelling we'd be sure
To give all travellers hospitality,
With simple hearts we'd listen to their tales,
But not be taken in incautiously.
We've learnt to treat with fear the treacherous today,
To keep our sheltered cottage free from liars,
Protect ourselves from those who have no thanks,
And hold in high regard the peace we treasure.*

*The envious could also lay their plans,
To stir up tension in our peaceful home,
To undo all our friendship, happiness,
Part me from Delia, as once I was from S....
But who can fathom the thoughts of hypocrites,
The intrigues of malicious minds at work?
In friendly faces one can find false friends;
See flatterers at first as simple-hearted.*

*But can we live in fear of everything?
Let our Guardian Angel keep us safe.
Why should we forego this kind of company?
The Great God will protect us from the evil,
Let us go with simple, open souls,
To meet with travellers, without a murmur,
Not calculating, but with kindly hearts,
We'll lead the innocent to our sheltered house.*

*That's how I'd live with Delia in our cottage,
A simple, unpretentious life in peace.
Show this timid muse the way, o Solitary Poet!
Take me down the path that leads to your beloved.
But is it really true that we can find
On Earth the heavenly bliss that's in your songs?
No, truly, truly, when you played the lyre,
A fantasy then gripped you, just a dream.*

*Perhaps you were deceived by how things looked,
What you believed of Delia was a rumour,
But when will people ever tell the truth?
At thirty, can it be you're still naive?
Appearances can sometimes be deceptive.*

*Believe me: often it's the joyful singer
Who in his soul is weary and depressed,
Believe me, he at times may even shed his tears.*

*Believe me you won't find complete perfection,
For laughter comes with sighs and joy with sorrow,
You should consider it as heavenly bliss
If you have just the smallest bit of peace.
Stop envying your dearest Delia,
Don't live the way you wish but as God ordered;
There is no path with Delia—your search
Is vain, along with me call her a dream.*

К Эльвире¹⁷

Эльвира! посмотри на пару голубков,
Которые вокруг тебя теперь летают!
Прелестны голубки, поверь Эльвира, знают,
Что наше счастье — невинная любовь.
Смотри, как голубок с голубкою играет!
Как нежит он ее, как пламенно лобзает!
Смотри! Они взвились, и — страстный голубок
От милой ни на шаг: какой любви урок!
И как им не пленяться?
Эльвира милая! подобно голубкам
Должноб любить и нам!
Но людям ли, скажи, сим счастьем наслаждаться?
Ссылаюсь в том, Эльвира, на тебя:
Ты помнишь, как клялась вовек любить меня
И мною только жить и мною утешаться;
Но, ах! где правда слов?
Где клятва, где любовь?
Ты о другом теперь, Эльвира, воздыхаешь,
И клятву — век любить — другому повторяешь.

17 Naumova 1819, 'K El'vire', pp. 136–137.

To Elvira¹⁸

*Elvira, see that pair of doves
That's flying round about you now,
These wondrous doves, believe me, know
That happiness is innocent love.
The male dove's playing with his mate!
Such tenderness, such ardent kisses!
See them entwined—the passionate male
Won't leave his dear—they teach us love!
He's so bewitched!
Elvira, dear! Just like the doves
So we should love!
Can people ever know such joy?
Elvira, you just prove my point:
Recall your oath to love forever,
To live for, cherish me alone;
Ah, where's the truth?
The vow, the love?
When now you're sighing for another,
And pledging love to him instead.*

Ответ¹⁹

Певец уединенной! лиру
На днях настроивши свою,
Воспел какую-то Эльвиру,
И душу тронул ты мою!
Глазам Эльвиры сей представил
Ты пару верных голубков,
Меня же вспомить сим заставил
Сердечных, милых мне дружков.

Твои голубчики прекрасны
Не знают гибельный порок;
Быв постоянны, нежны, страстны,

18 Translation by Emily Lygo.

19 Naumova 1819, 'Otvét', pp. 138–142.

В святой любви дают урок.
Всегда верны, и не пленяют
И не влюбляются в других;
Друг другу ввек не изменяют
И клятвы чтут сердец своих.

А люди чуть не обожают
Уже символ любви святой;
Но, ах! ему не подражают,
И часто верность чтут мечтой.
Давноль и я изображала
Любовь двух верных голубков,
Под видом их воображала
Моих возлюбленных дружков;

А ныне птички сизокрылы
Коль попадают где мне,
Напомнят призраки унылы,
И я горю как на огне;
А сердце вдруг вооружится
На призрак сумрачной такой,
За верность милых побожится,
И в душу возвратит покой.

Певец! Эльвиру упрекаешь
К себе в неверности ее,
А стрелы метко ты пускаешь
И в сердце бедное мое.
Да что, Певец уединенной!
Сам может быть ты ослеплен:
Злой ревностью воспламененной,
Иною стал и сам пленен.

Эльвиру не вини безбожно;
Внутрь сердца своего взгляни!
Быть может, оскорблен ей ложно;
Проступок свой с ея сравни.
Ну, есть ли сам ты лицемерен,
Оледенел коль сердцем к ней,
Непостоянный! коль неверен
Уже возлюбленной своей,

За чтож тебе винить Эльвиру?
Несправедливости стыдись!
Ах! вновь свою настрой лиру,
Перед безвинной извиннись!
Знай, Муза робкая возстанет
И ложь твою изобличит,
На лире правду смело грянет,
Безстрашно арфой зазвучит.

Не с тем Поэзии искусством
Меня Всевышний наделил,
Чтоб гений мой с презренным чувством
Несправедливым людям льстил;
Доколе жить в сем мире стану,
Верь, правду я не оболгу,
Карать хоть злых не перестану,
Коварных стрелы избегу.

Меня за правду не оставит
Всевышний милостью Своей,
Передо мной свой щит поставит
И защитит от злых людей,
И может быть моей Он лирой
Исправит несколько сердец;
А тыж с безвинною Эльвирой
Тож примиришь, драгой Певец!

А ежели она неверна,
Так нечего жалеть о ней;
Коль в чувствах сердца лицемерна,
То верь, блаженства нет и ей.
И тот, кого она пленила,
Разлюбит также и ее,
За то, что другу изменила,
Не взглянет скоро на нее.

Тогда виновная Эльвира
Начнет терзаться злой тоской;
Тебяж утешит скромна лира
И в сердце поселит покой:
Тогда, Певец уединенной!

Ты о несчастной пожалей,
Ея раскаяньем смягченный,
Прости чистосердечно ей.

Прости — что делать? Кто в сем мире
Хоть раз не падал никогда?
В исправленной бедой Эльвире
Надежен будешь навсегда.
С почтеньем дружба съединяся,
Устроят счастье ваше вновь,
И вами добрые пленяся,
Прославят нежную любовь.

Reply²⁰

*O solitary poet, your lyre,
Whose strings you tuned just days ago,
Sang of a lady called Elvira,
And now your song has stirred my soul!
You set before Elvira's gaze
A pair of faithful, loving doves,
Your image forced me to recall
Warm-hearted and dear friends I've known.*

*These wondrous little doves of yours
Don't suffer from some fatal flaw.
They're constant, tender, passionate,
And show the way of sacred love,
They're always true, do not set traps,
They never fall in love with others;
They'll not deceive each other ever,
But keep the vows made by their hearts.*

*They're almost worshipped now, seen as
A symbol of some sacred love,
That can't, alas, be reproduced,
We only dream of staying true!
Once, long ago, I too portrayed
The love between two faithful doves,*

20 Translation by Emily Lygo.

*I used it as an image of
A couple of beloved friends.*

*But now these pale-grey-winged birds,
If they should chance to cross my path,
Bring melancholy ghosts to mind,
They make me burn as though on fire.
My heart then takes up arms against
All gloomy spectres such as this,
It swears the faithfulness of lovers,
And peace returns then to my soul.*

*Dear Poet, you reproach Elvira
For her unfaithfulness to you,
But doing so you fire your arrows
Straight into my poor heart too.
What of it, solitary Poet?
It could be you yourself are blind:
Enraged by evil jealousy
You're not yourself, but are ensnared.*

*So don't accuse Elvira rashly,
Take a look inside your heart!
Perhaps you're wrong to feel so hurt,
Compare the wrong you've done to her.
If you are hypocritical,
And now your heart has hardened, then
You've broken faith! Already you
Are not being true to her you loved,*

*So how can you accuse Elvira?
Shame on you for being unjust!
Ah! Tune your lyre now once again,
Say sorry to the innocent one!
Know that the timid muse will rise
To put the record straight once more.
The lyre will boldly sing the truth
The harp will strike up without fear.*

*This is not why Almighty God
Gave me the gift of poetry,
So that with scorn my genius*

*Could flatter those who are unjust;
However long my earthly life
Believe me, I'll not slander truth,
Nor stop chastising evil-doers,
Nor dodging arrows from the sly.*

*And by his mercy, God Himself,
Won't punish me for speaking truth,
In front of me he'll place his shield,
Protecting me from evil-doers,
Perhaps he'll use my lyre to help
Put right a score of broken hearts,
And you, as well, dear Poet, should
Make peace with innocent Elvira!*

*And if she is unfaithful, then,
There's no sense harking after her,
If she's a hypocrite at heart,
Believe me, there's no bliss for her.
Whoever she's ensnared, be sure,
Will soon fall out of love with her,
The fact that she's betrayed a friend
Will turn him from her very soon.*

*And if Elvira's guilty, then,
She'll soon be torn with misery,
While you'll take solace from the lyre,
And peace will settle in your heart.
And then, my solitary Poet!
You'll pity this unhappy girl,
When her repentance softens you,
Your heart will find forgiveness too.*

*I'm sorry, what's to do? For who
Can say he's never fallen once?
With lessons learnt from her disgrace,
She will be true forever more,
Joining friendship with respect,
You'll build your happiness again,
Good people, gripped by this your tale
Will sing in praise of tender love.*

От пустытника-Поэта, очаровательной Музе Святого ключа²¹

О Сафо Русская! Поэт уединенный,
Тобою взысканный, тобою вдохновенный,
С восторгом получил приятной твой ответ,
И снова для него стал мил, прелестен свет,
И сердце к красотам природы растворилось,
И жизнь его опять надеждой оживилась.
Волшебница! скажи, где дар ты заняла
Производить такое превращенье?
Лишь я прочел твое стихотворенье,
Которым в грудь мою отраду ты влила,
Как вдруг почувствовал приятное волненье —
И Верой укрепясь, несчастья забыл.
Ах! сколь я пред Творцем неблагодарен был,
Что в горести моей роптал на Провиденье!
О Муза милая! сказав: — тебеля грустить?
Не знал причины я, от коей ты страдаешь!
Коварства, хитрости людей переносить,
Особенно же тех, с кем сердце разделяешь,
Жестоко, знаю сам; но лучше их забыть,
Бог с ними, и пускай Он будет их судьбою:
Они, гонимые разгневанной судьбою,
Почувствуют вину перед тобой.
А ты, как будто бы совсем не замечаешь
И гнусную измену презираешь,
Блаженство дней невинных пой!

From the Hermit Poet to the Charming Muse of the Holy Spring²²

*Sappho of Russia! The solitary Poet,
Who is both favoured and inspired by you,
Was jubilant receiving your kind answer,
And sees the world as great and sweet once more.
Now nature with her beauty melts his heart,
And life has come alive again with hope.*

21 Naumova 1819, 'Ot pustynnika-Poeta, ocharovatel'noi Muze Sviatago kliucha', pp. 113–114.

22 Translation by Emily Lygo.

*Enchantress! Tell me where you got this gift
That can produce such a metamorphosis?
It was as soon as I had read your poem
With which you poured such joy into my breast,
That suddenly I felt a pleasant tremor—
And strengthened by belief, forgot my grief.
Alas how I was thankless before God,
When in my sorrow I complained of Fate,
O Muse, when I asked: why are you sad?
I didn't know the reason why you suffer!
To bear some people's malice and their hate,
Especially those your heart has opened up to,
Is cruel, I know that now, but just forget!
Let them be and leave their fate to God.
When they are being pursued by angered fate,
They'll come to see the wrong that they have done,
And you, pretending you don't notice them,
Will hold their vile betrayal in contempt,
Instead you'll praise the bliss of innocent days!*

К пустынно-Поэту²³

Имя Сафы я не стою;
Мне ли Русской Сафой слыть?
Мне ли арфою святою
Так как ей известной быть?
От пустынно-Поэта
Вновь посланье получив,
Муза робкая Агнета
Взоры в землю потупив,
Улыбнулась и сказала:
Мнель, как сей Гречанке, петь?
Но на сердце указала,
Здесь умею грусть терпеть.
На утес крутой Левкада,
Хоть и горько — не взойду,

23 Naumova 1819, 'K pustynniku-poetu', pp. 115–119.

И от пасмурного взгляда
Вниз с него не упаду.

Не хочу в ключе забвенья
Вод целительных я пить;
Все на свете сновиденье:
Лучше по просту любить.
Да любить хоть сердцу больно,
Без любви отрады нет.
Но, Поэт мой! я невольно
Позабыла свой ответ.

Робку Музу вопрошаешь,
Где она взяла дар свой?
Слишком уж провозглашаешь
Ты его, Певец драгой!
Не в насмешку ли искусство
Превозносишь ты мое?
Ах! простое сердца чувство
Отвечает на сие.

Хоть не Сафою родилась,
Ни волшебницей живу,
Но к Парнассу пристрастилась,
И на нем я мирты рву.
Чувство сердца мою лиру
Строило с юнейших лет;
Муза, жизнь влачивши сиру,
По неволе запоем.

О Поэт уединенный!
Есть ли в хижинке твоей,
Своей Музой вдохновенный,
Ты утешен и моей,
За труды свои стократно
Уж она награждена;
Ей и лестно и приятно,
Что близь Волги не одна,

Не одна она игрою
Занимается своей,

Но что Бард иной порою
Подает идеи ей,
Подает и наставленья
В утешительных словах.
Верь, твое мне песнопенье
Есть отрада в сих местах.

С ним коварных забывая,
Злой судьбы им не хочу,
С ним я реже унывая,
Чаще лирою брянчу.
Продолжай, Певец любезный!
Продолжай чудотворить
И гармонией полезной
Не ленись животворить.

Робку Музу усыпленну
И Певицу пробуди,
Мыслей, чувств, идей лишенну,
Прежний жар в ней возбуди!
Пой, Певец уединенный!
Пой Симбирской Скальд больной!
Гением быв вдохновенный,
Оживешь и ты с весной.

С разцветающей весной
Также оживу и я,
Вся небесная со мною
Мною чтимая семья:
Вразумит меня София,
И поддержит Вера вновь,
И Надежда пожалея,
Подведет ко мне Любовь,

Но не ту, которой ложно
Люди счастливы слывут,
И в которой так безбожно
Часто мрамором живут,
Но то чувство долговечно,
Душу что влечет любить,

С ближним искренно, сердечно
Смех и горе разделить.

Пусть иные оскорбляют,
Пусть другие сокрушат;
Естьлиж те благословляют,
Грусть сердечну уменьшат.
Так, сирот моих и Лиду
Я с восторгом воспою;
Горьких слез — забыв обиду
Ближних сердцу — не пролью.

To the Hermit Poet²⁴

*I don't deserve the name of Sappho;
Could 'Russian Sappho' be my name?
Could I, armed with the sacred harp
Achieve the level of her fame?
When now the Hermit Poet sent
A missive once again to me,
Agneta, my most timorous Muse,
With eyes cast down towards the ground,
Said, as she broke into a smile,
Should I be singing, like the Greek?
But as she gestured to her heart,
Said, 'Here can I put up with grief,
Though things are tough I will not climb
The heights of the Levkada cliffs,
And at a dark, foreboding glance,
I will not throw myself below.'
I do not wish to quench my thirst
With waters of oblivion,
For everything on Earth's a dream,
And simple love is best by far.
And even if it hurts the heart,
Without it there can be no love.
But, dear Poet, by mistake,
I've strayed from my reply to you.*

24 Translation by Emily Lygo.

*You question my poor timid Muse,
Where she received her talent from,
By doing so, dear singer, you
Give praise much higher than deserved!
And when you elevate my art
Perhaps you're really mocking me?
Ah, simple feelings of the heart
Will give the answers that I need:*

*I was not born to be a Sappho,
And do not live as an enchantress,
Yet I've a passion for Parnassus,
And there I gather myrtle now.
The feeling of the heart has tuned
My lyre from my earliest days;
The Muse, whose wretched days drag on,
Can't help herself, but starts to sing.*

*My solitary Poet! When
You're seated in your humble home,
And when your Muse inspires you,
If you take comfort then from mine,
Then for her efforts she's been paid
One hundred times the effort made.
She's pleased and flattered not to be
Alone beside the Volga here.*

*Not to be the only one
Who's taken up with playing her sound,
And that, another time, the Bard
Will offer some ideas to her,
Will offer her his teaching too
In how to write consoling words.
Believe me when I say your song
Brings joy to me when I am here.*

*Your song makes me forget the bad,
Although I don't wish them ill fate,
And with it I am less despondent,
Happier to strum my lyre.
So carry on, dear singer, please!*

*Keep working miracles like these,
And with this healthy harmony,
Don't slack in being lively.*

*But wake the sleeping, timid Muse,
And the sleeping lady, who's
Deprived of thoughts, ideas, feelings,
Re-light the fire that burned inside!
Sing, O solitary singer,
Sing of the sickly Siberian skald!
And by this Genius inspired
You will awaken with the spring.*

*And as the spring comes into bloom,
I too will come to life once more,
And with me all the heavenly
Family that I so esteem:
I'll take conviction from Sophia,
Truth will support me once again,
And taking pity on me, Hope
Will show the way and lead to Love.*

*But not the kind of love that's false,
A semblance of real happiness,
That leads the lovers, godlessly,
To lives lived coldly, carved in stone,
I mean a feeling that's eternal,
That draws the very soul to love,
To share with people close to us,
Sincerely, happiness and grief.*

*Let other people cause offence,
Let other people... bring about ruin,
If you can give your blessing to them,
The sorrow in your heart will cease.
And so with jubilation, I sing
A song of Lida and my orphans,
The hurt from those I love has gone,
And bitter tears I will not shed.*

Урок молодым девушкам²⁵

Любезны девушки! страшитесь
Всегдашних вы врагов своих,
Мущин коварных берегитесь,
Не слушайте ласкательств их;
Не редко так, как змей лукавый,
Пленивший Евву, нашу мать,
Они польстят вам счастьем, славой,
А там — ужь поздно горевать.

Большую частью лицемеры,
Они смеются только вам;
Не очень к ним имейте веры,
Не доверяйте их словам,
Не доверяйте страстным взглядам,
Ни самым тяжким вздохам их,
Сердец не отравляйте ядом
Вы медом пчел фальшивых сих.

Любви исполнены их взоры
Небесной вам Эдем сулят,
И сладостны их разговоры
Вас благоденством веселят;
Но их сердца для вас закрыты,
Их мысли неизвестны вам:
Искусно хитростью прикрыты,
Инакой смысл дают речам.

Совет, который вам нелестно,
Любя вас, матери дадут,
Пренебрегать для вас безчестно;
Оне от бед вас стерегут,
Оне хранят вас от обманов,
Пронырств лукавых сих врагов:
В рабах — найдете вы тиранов,
В свободе — тяжесть злых оков.

25 Naumova 1819, 'Urok molodym devushkam', pp. 30–37.

Красотки-девушки! имейте
Вы осторожность всякой час,
И собственных сердец робейте;
Они проводят также вас.
Не редко там, где мните сладость,
Найдете горечь лютых дней;
Навек свою сгубивши младость,
Умрете вы душой своей. —

Супружеством не торопитесь,
Не льститесь кинуть отчий дом,
Мечтою лживой не слепитесь,
Не славьтесь умственным добром;
Не сделайте неблагодарны
Против родителей своих:
Подумайте — льстецы коварны; —
Ах! не сменяйте тех на сих.

Взгляните сами на Милену,
Которую пленил Милон;
Какую же в ней перемену
В два только года сделал он!
Она, как роза разцвела
Под сению родных своих,
Как будто бабочка летала,
Резвясь, лобзала нежно их.

Толико бывши благоданна,
Колико же была умна!
Всегда равно веселонравна,
Как Май смеялася она;
На балах, в обществах и дома
Миленка тешилася всегда;
Ни грусть, ни скука незнакома
С ней не были еще тогда.

Но на ея беду возмися,
Бог ведает отколь, Милон,
Глазам неопытной явися
Как будто некий Гений он;

Или, как будто бы бог брани,
Среди триумфа, торжества
Приемлющий всемирны дани
Во всем сияньи божества;

Или, как воин знаменитый
По дивным подвигам своим,
Его шлем лаврами покрытый
Вещал довольно всем о нем.
Милон был юноша прекрасной,
Казался нежным, добрым он,
Казался — млея любовью страстной
К Милене пламенной Милон.

Открылся он — она краснела,
Любовь ее пронзала грудь;
Скрыть мысли, чувства не умела,
Могла лишь тяжело вздохнуть:
Счастливой юноша наверно
Тогда узнал, что был любим,
И ей поклялся лицемерно,
Что будет счастливо жить с ним.

Вотще ее остерегали,
Вотще советовали ей,
Вотще примеры предлагали,
Разсудок пробуждая в ней;
Им очарованна Милена
Вещала только: — «Ах, люблю!
«Ну что до вечного мне плена;
«С ним свой покой не погублю.»

И что же? С ним соединилась
Милена кроткая навек;
Едва блаженством насладились,
Как слезной ток из глаз потек:
Милон уже не богом зрится,
Неопытным дает урок;
Уж в нем пленявший призрак тмится
И виден только лишь игрок,

Игрок, который забывает
Уже не редко сам себя,
Клятвопреступником бывает,
Еще несчастную любя.
— Где честь, где счастье, где слава,
Которой ей польстил Милон?
И сама любовь отравя.
Но, ах! таков ли только он?

И таковаль была Милена?
Вспомните только вы в нее:
В лице, во нраве перемена;
Никак нельзя узнать ее.
Ланиты бледностью покрылись,
Улыбки нет ужь на устах,
Унынием черты затмились,
И часто слезы на глазах.

Любезны девушки! страшитесь
И вы коварных слов мужчин,
Их козней хитрых берегитесь,
Остерегайтесь их личин!
Нельзя проникнуть вам в их тоны,
Ни замыслы их предузнать;
Поверьте — все они Милоны,
Не свой умеют вид казать:

Любитель Бахуса усердный
Вам мнится трезвой человек,
Цирцей боготворитель вредный
От них представится далек,
Ревнивец видится безпечным,
Роскошным кажется скупец,
А злой тиран добросердечным,
И самой скромностью — глупец.

На братцев вы своих взгляните
И взвесьте верно их слова;
Их дома, в обществе, сравните,
Согласналь с правдой их молва?
Не частоль вам они иное

Про туж Климену говорят,
Которой лепетав другое,
В ней два различных вида зрят?

Скажите мне: такиель точно
Они при людях, как одни?
Для обществ, будто бы нарочно,
Всегда притворствуют они.
Так точно и для вас мущины
Имеют маски на запас;
Но дома, сбросивши личины,
Не то уж думают про вас.

Сперва сердце им не давайте,
А справьтесь верней о них;
Их исту славу узнавайте,
А там — уже любите их;
Любите их, коль не актеры
Они покажутся уж вам,
И не боясь иметь к ним веры,
Их верьте взглядам и словам.

Тогда пленившись, пленяйте,
И счастье составя их,
Обет священный сохраняйте,
Не переменяйтесь ввек для них;
Не сделайте хамелеоны
И сами вы для них под час,
Чтобы и их сердечны стоны
Во лжи не обличили вас.

Lesson to Young Girls²⁶

*Dear girls! You should be wary of
Our age-old enemies,
Protect yourselves from cunning men,
Ignore their flattery.
Too often, like the treacherous snake,
That tricked our mother Eve,*

26 Translation by Emily Lygo.

*They promise glory, happiness,
Then it's too late to grieve.*

*Mostly they are hypocrites,
Laughing just at you,
Don't rush to put your faith in them,
Or think their words are true.
And don't believe their ardent glances,
Nor their heaviest sighs,
Don't let your heart be poisoned by
The honey of false bees.*

*For with their gazes full of love,
They promise paradise,
Their sweetened conversation cheers you
With its happiness.
But yet their hearts are closed to you,
You do not know their thoughts,
With expert cunning camouflaged,
Their words mean something else.*

*You are unwise if you ignore
Unflattering advice
From mothers who, because of love,
Will try to keep you safe.
They would protect you from deceit,
The enemies' crafty tricks:
Among a group of slaves are tyrants,
Freedom's bound in chains.*

*Oh girls, o beauties, you must be
Always vigilant,
Be shy of listening to your hearts,
They will deceive you too.
Too often, where you think there's joy,
There's cruel and bitter days;
For once you've ruined your youth forever
Your soul will die away.*

*Don't rush to enter into marriage,
Or flee your parents' home*

*Because a false dream's blinded you,
Don't err in being kind;
You shouldn't grow ungrateful to
The parents that you have;
Just think—all flatterers are cunning;—
You don't want them instead.*

*A good example is Milena,
Imprisoned by Milon;
What a change in her he wrought
When just two years had gone.
While living with her kin at home
She blossomed like a rose,
Flew like a butterfly, and played,
She kissed them tenderly.*

*Blessed with goodness and fine brains
To equal high degree!
Her even temper never failed,
Her laughter was like May.
At balls, in company, and home
Milena always thrived,
She had not had to get to know
Sorrow yet, or boredom.*

*But then appeared, to her misfortune,
From God knows where, Milon,
With inexperienced eyes she thought
He was a Genius;
He seemed the God of Thunder, with
Attendant triumph and glory,
Accepting gifts from all the world,
A radiant deity,*

*Or like a warrior famous for
His wondrous deeds and feats,
His helmet wound with laurel wreaths
Was eloquent enough.
This Milon was a fine young man,
He seemed both kind and tender,*

*This fiery man appeared to swoon
With ardour for Milena.*

*When he declared himself, she blushed,
For love had pierced her breast,
Not hiding how she thought and felt,
She gave a heavy sigh.
And then the happy man, I guess,
Could see that he was loved,
Then, hypocrite, he promised her
A happy life with him.*

*In vain they tried to warn her off,
In vain they gave advice,
In vain presented precedents,
To get her to see sense.
Milena, though, was quite bewitched,
Could only talk of love,
'I can't conceive of life as prison,
I'll never risk our peace.'*

*What next? Well, very soon Milena
Joined with him forever,
She'd hardly time to taste the bliss
When tears began to flow.
Milon no longer seemed a God,
Young girls must learn from this,
His spirit that bewitched her fades,
A player's all that's left,*

*A player that forgets himself,
And not infrequently,
Who, while still loving this poor girl,
Will often break his vow.
Where's the honour, glory, joy,
That Milon used to flatter,
His love itself turns into poison,
Is he the only one?*

*And what about Milena, then,
Just take a look at her:*

*Her face has changed, her nature too,
She's not her former self.
Her cheeks now have a paler hue,
No smile plays on her lips,
Her features darken with depression,
Her eyes are full of tears.*

*Dear girls! You should be fearful of
The cunning words of men,
Protect yourselves from their intrigues,
Watch out for their disguise!
You cannot fathom all their wiles,
Their schemes you can't predict,
But all of them are Milons, though
They know to hide this truth.*

*Even Bacchus's faithful love
Will seem a sober man,
While Circe's bad admirer seems
A million miles from them,
An envious man will seem carefree,
The miser to splash out,
A fool embodies modesty,
The tyrant a kind heart.*

*Just take a close look at your brothers,
Carefully weigh their words;
How do they act at home, with others,
Do their words ring true?
Did not they speak about Klimena
At home with different words,
From those they babbled to the girl
Of who they hold two views?*

*And are they really just the same
With people and at home?
When in society, it seems,
They always act a part.
It's just the same for you, those men
Will always wear a mask;*

*Once home, they cast off their disguise
And with it, thoughts of you.*

*Don't give away your heart to start with,
First find out the truth.*

*Discover first their true fame, then
You're free to fall in love;
So love them if it seems to you
That they're not only actors,
Believe their gazes and their words
And feel they can be trusted.*

*Then once bewitched, you must bewitch,
And as you bring them joy,
Be sure to keep your sacred vows,
Don't change yourselves for them.
Don't turn into chameleons
Because you want to please,
Make sure their heartfelt groans will not
Discover that you've lied.*

Вчерашняя ворожба²⁷

Вот, ворожейка,
Вот дорогая,
Масти бубновой
Милой Король!
В душе унылой,
С горестным сердцем,
Я загадала
Кой-что о нем;
Ты мне всю правду,
Без лицемерства,
Верно по картам,
Внято скажи!
Чтож? «Возмущают
«С кралей червонной
«Пики и трефы

27 Naumova 1819, 'Vcherashniaia vorozhba', pp. 76–84.

«Мысли его.
«Кралья червонна,
«Либо крестова,
«Лишь занимает
«Его собой.
«Но — вот другая,
«Пикова дама,
«Хитро, лукаво
«Сеет меж их
«Грусть, сокрушенье
«Недоуменье,
«Ложь и обманы,
«Ссоры, вражду.
«Я из колоды
«Выну ль крестову,
«Или червонну
«Кралю ему,
«Все равномерно
«Мрачныя мысли,
«Черныя думы
«Сердце гнетут.
«Видишь, все пики
«С трефами злобно
«Прямо на сердце
«Горем лежат.»
— Будет, довольно;
Я не желаю
Горестной правды
Более знать;
Здравой разумок
Мне запрещает,
О ворожейка!
Верить тебе.
Естьли и верю
Я по неволе
Карт предсказанью, —
Их не боюсь.
Пусть их болтают

Грозныя бури,
Мрачныя тучи,
Скорби для нас;
Но благоденство,
Дружба с любовью,
Вера с надеждой
В наших сердцах.
Пикова дама,
Злая, коварна!
Жало змеино
Тщетно остришь!
Тщетно ласкаешь,
Тщетно пленяешь
Ты лицемерством
Злобным своим!
Неколебимо
Верное сердце,
Твердым гранитом
Грозно стоит,
И непорочность,
Левой рукою
Взявшись за якорь,
В правую крест,
Злость презирая,
Смотрит спокойно
На небеса:
Там Покровитель
Добрых, безвинных,
Нежно любящих,
Правых людей,
Силой всемогущей
И невидимой
От лицемерных
Их бережет.
На Провиденье
Кто уповает
С кротким смиреньем,
Тот не погиб!

Трефову кралю,
Кралю любезну,
Адскою злобой
Втуне язвишь;
Черныя масти,
Масти зловещи,
Тщетно тобою
Гибель гласят.
Только бубновой,
Доброй, любезной,
Нежной и умной,
Милой Король,
Крале крестовой
Верное сердце
Страстно любящим
Сердцем пленил:
Был, есть и будет
Вечно достоин
Крале сей милой
Только лишь он;
Ей не опасны
Целаго света
Трефовой масти
Все короли.
— Пикова дама!
Из паутины
Тщетно сплетаешь
Сети ты ей;
Трефами тщетно
Ты уповаешь
В доме бубновом
Ад поселить;
Ужом и жабой,
Хитрой лисою,
Ты понапрасну
Сеешь раздор:
Хоть чарадейством
Злая колдунья,

Ты уронила
Искру в сей дом;
Искра хоть тлеет,
Хоть раздуваешь
Ты потихоньку,
Злая! ее;
Но не удастся,
Пикова дама!
Злобе строптивой
Сделать пожар:
Очарованья,
Шпанския башни,
Хитрость, коварство,
Тщетны твои.
Ангел хранитель,
Сила небесна,
Благословенье
Бога любви,
Здравой разсудок
И благородство
Добраго сердца,
Нежной души,
Дружба с любовью,
С новой надеждой,
С отроком юным
Вооружась,
Щит и ограда
И оборона
Трефовой крали
Против тебя.
Зри же: бубновой,
Любви достойной,
Благоразумной,
Доброй Король
Злость презирает,
Топчет ногами
Пиковой масти
Гнусную ложь;

Он, улыбаясь,
С Ангельским взором
Вырвал из сердца
Острой кинжал.
Тщетно тлетворной
Яд проливает
Пикова дама
В душу его;
Верь, безизвестный
Злобе, коварству,
У благонаравных
Есть антидот.
Стрелы калены
Взглядом строптивым
Тщетно ты мечешь
В мысли его;
Дух благотворный,
Гений незримый
Их отражает
Все от него;
Тайные ковы,
Хитрия козни
Мощной рукою
В прах превратит.
Пикова дама!
Грянет перуном
Бог справедливый,
Эй, берегись!
Облаки черны,
Тучи, ненастье,
Скоро промчатся,
Бури пройдут,
И добродетель
Снова возблещет,
Истинной славой
Свет озарит.
Взглянет — и правда
Гнусность покажет,

Пикова дама!
Людам твою;
Король бубновой
С трефовой кралей
Жизни блаженство
Вновь обретет.
Ты же в презренье,
В уничиженьи
Будешь терзаться
Лютой тоской;
Как от эхидны
Добрые люди
Все удалятся
Прочь от тебя.
Пикова дама!
Будешь — но поздно,
Тяжко вздыхая,
Каяться ты.
Злым сокрушенье,
Кара лукавым,
Добрым награда,
Правым венец
Сладости райской,
Жизни блаженной,
Истинной славы
Нежной любви.

Yesterday's Reading²⁸

*So, fortune-teller,
So, my dear,
It's the gentle King
Of diamonds here.
With heavy soul
And sorry heart,
Have I divined
Some news of him;*

28 Translation by Emily Lygo.

Now tell the truth,
With no pretence,
What, truly, do
The cards reveal?
What's this? 'The Queen
Of hearts, she and
The spades and clubs
Disturb his thoughts.
The Queen of hearts
Or Queen of clubs
Will occupy
Him with themselves.
But here's one more,
The Queen of spades,
And sly intrigue
She sows for them;
Now sorrow, grief,
And now confusion,
Lies, deceit,
And enmity.
And now I draw
One from the pack,
Will his Queen be
From clubs or hearts?
All the signs
Are looking sad,
All thoughts are black,
Oppress the heart.
The clubs and spades
Maliciously
Lie on the heart
Like misery.'
It's clear enough
So spare me from
Discovering more
This sorry truth.
My common sense
Does not allow

*Me, fortune-teller,
To believe.
And if I can't
But help believe
The cards' predictions,
I'll not fear.
Though they be shaken
By dreadful thunder,
Brooding clouds,
And endless grief,
Yet happiness
And loving friendship,
Hope, belief
Live in our hearts!
O Queen of Spades,
Sly, evil one!
In vain you bear
Your snake-like sting,
In vain you use
Such double-dealing
To bewitch
With tenderness.
Unshakeable,
A heart that's true
Can stand its ground
Like granite stone.
And innocence
With its left hand
Will take the anchor,
Cross in right,
And scorning malice,
Looks up, calm
Unto the Heavens:
Protector of
The good and pure,
The ones that love,
The righteous ones;
Invisible*

*Omnipotence
Protects them from
The hypocrites.
Whoever trusts
In Providence,
Is humble, gentle,
Won't be lost!
In vain your evil
Malice wounds
The Queen of clubs,
Obliging queen;
And though black suits
Are ominous,
In vain do you
Foretell of death.
Only the diamond,
Courteous, kind,
Tender, clever,
Sweet-hearted king,
Can use his heart
That burns aflame,
Can take her heart
The Queen of clubs.
Only this king
Was, is and will be
Worthy forever
Of this sweet queen;
All the kings
Of all the clubs
In all the world
Can't threaten her.
O Queen of spades!
In vain you weave
A trap for her
A spider's web;
In vain you trust
The clubs to make
All hell break loose*

*In the diamonds' suit;
With snake and toad,
A cunning fox,
In vain you seek
To sow discord.
And should your magic,
Evil sorceress,
Kindle a spark
Inside this house,
You'll find that spark
Will only smoulder,
Though you blow
To make it glow.
But Queen of spades,
Your stubborn ire
Will not succeed
In kindling fire:
Your sorcery,
Your blackened towers,
Your cunning schemes
Are all in vain.
The guardian angel,
Heavenly force,
The blessing of
The God of love,
Nobility,
And common sense
Of a gentle heart,
Of a tender soul,
Loving friendship
With new hope
Will arm itself
With a young man,
Her shield, defence,
Her barricade,
The Queen of clubs
Sets up against you.
See the good king,*

Worthy of love,
Blessed with sense,
The King of diamonds,
Evil he scorns,
He tramples over
The low and base
Lies of the spades.
He, with a smile,
The gaze of an angel,
Tore from the heart
A sharpened blade.
The Queen of spades—
In vain she pours
The noxious poison
Into his soul.
Unknown to evil,
To cunning, you see,
The noble ones have
An antidote.
The burning arrows,
Like stubborn glares
Aimed at his thoughts,
Are all in vain;
His wholesome spirit,
His unseen genius,
Deflects them all
Away from him.
Your secret snares
And cunning schemes
His mighty hand
Will turn to dust.
Queen of spades!
The just God threatens
Thunderbolts,
You'd best watch out!
These heavy clouds,
Inclement weather
Will soon have passed,

*The storms will die.
And once again
Will virtue shine,
And genuine glory
Shall light the world.
One look, and Truth,
O Queen of spades,
Will show your baseness
To the world,
The King of diamonds,
The Queen of clubs
Will bring once more
Bliss into life.
You will be scorned,
You will be humbled,
You'll be plagued with
Ferocious grief.
And all good people
Will avoid you,
Keep away, as
From Echidna.
Queen of spades,
You will—though late,
And breathing hard,—
You will repent.
Ruin to Evil,
Scourge to the Sly,
Rewards to the Good
To the Just a crown
Of heavenly sweetness,
Blissful life,
Of genuine glory,
Tender love.*

Купидонова лотерея²⁹

Вдруг явился перед нами
Бог всесчитимый, милой, злой;

29 Naumova 1819, 'Kupidonova lotereia', pp. 50–58.

Полон был колчан стрелами,
Лук в руках и с тетивой.
Испугавшись Амура,
Мы вскричали: Купидон!
«Что, узнали белокура!»
Нам сказал с усмешкой он,

И примолвил: «Успокойтесь!
«Не стрелять в сердца хочу;
«Хитрых умыслов не бойтесь:
«Мир я с вами заключу.»
Золотыми он ключами
Отпер кованой ларец,
И рассыпал перед нами
Он тьму тьмущую сердец.

«Содержу я лотерею
«И билеты раздаю;
«Сих сердец судьбой владею,
«Их охотно вам даю.
«Вот все призы перед вами;
«Тут пустых билетцов нет
«Я согласен, чтоб вы сами
«Брали из любых билет.

«Для себя и для любезных
«Вынимайте вы из них;
«Что до мыслей бесполезных!
«Оставляйте смело их.
«Чтож? разыгрывать начните
«Лотерею вы мою;
«Не робейте и взгляните
«На судьбину вы свою.»

Вмиг Алина подбежала,
Торопливо взяв билет,
Как всегда воображала,
Прочитала так ответ:
«Доброй, милой, о! довольно,
«Но притом и — вертопрах.»

Тут Алина и невольно
Ощутила в сердце страх.

Удалец Тирсис проворно
К Купидону подскочил;
Тот, мигнув ему притворно,
Взять билетец научил.
«И мила, и благонравна,
«Остроумна, не бедна;
— Он кричит ужь: славна, славна! —
«Но — чрезмеру ветрена.»

«Твой черед, драгая Ниса!»
Говорит ей Купидон.
«С красотою Адониса
«Настоящий Селадон.»
Взяв билетец, прочитала
Ниса те слова лишь в нем,
Покраснев, захохотала;
Но былаль довольна им?

Богатон спешит надменно
И берет билетец свой;
Развернув его мгновенно,
Он читает: «Жребий твой
«Быть постылыми любимым,
«О несклонной век тужить,
«Быть златым болваном чтимым
«И с немилой сердцу жить.»

Вот подходит скромно Ида,
Взяв читает свой билет:
«Снова, Филемон, Бавкида!
«Образ ваш увидит свет.
«Кто не слишком много чаает
«И доволен малым кто,
«От судьбы тот получает
«Больше во сто крат за то.»

Лиодор в недоуменье
К Купидону подошел:

Сей решил его сомненье,
Он такой ответ нашел:
«Будь судьбой своей доволен,
«Но притом и терпелив;
«Сколько ты того достоин,
«Будешь милою счастлив.»

Вот теперь читает Флена:
«Крез, ревнивец и глупец,
«Пред тобой став на колена,
«Поднесет тебе венец.»
Флена рвет билет с досадой,
Говоря: о! чорт с тобой!
Ужь сокровищем, наградой
Я утешена судьбой!

Купидон ей улыбнулся,
«Что же делать?» он сказал, —
К Миловзору обернулся,
Лотерею указал.
«Ужь таланты и богатство,
«Знатный род и красота,
«Но душевныя приятства
«Для тебя — одна мечта.»

Вынимает свой Аглая
И читает: «Милый твой,
«Лишь одной тобой пылая,
«Сокрушит тебя тоской.»
Флоре: „Всякою порою
«Станет милой досаждать,
«С Бахусом, или игрою
«Будет время провождать.»

Зрит Любим в своем билете:
«Милая твоя жена —
«Cosa-raga в белом свете —
«И сгубит тебя она.
«Хитрый ум, коварство, злоба,
«Все съединяся в ней,

«Преждевременно дверь гроба
«Для тебя отворят ей.»

И Темира чередую
Получила свой билет:
«Там сказать, с седой бородою
«Дедушка в полсотни лет.
«Не крутись, хотя и скучно
«В младости со старцем жить;
«Будешь жить благополучно,
«Не научиться тужить.»

Выпал жеребей Авроре:
«Ты прельстишь питомца Муз,
«Им пленишься ты, и — вскоре
«Заклужишь ты с ним союз.»
Вот уж с робостью подходит
Хлоя к Купидону вновь
И в билетике находит
Благоденство и любовь.

Лида, взяв с пренебреженьем,
Прочитала свой билет:
«Все взирают с уваженьем
«На драгой тебе предмет.
«Славен храбрыми делами,
«Млад, наружностью пригож,
«Добр, нельстивыми словами
«И душой с тобою схож.»

Купидон сказал: «Лаура!
«Для чего же ты найдешь?»
Нет мне призов у Амура.
«Так для милых их найдешь.
«Только три уже остались,
«Все для сродников твоих;
«Хоть последние достались,
«Так и быть, возьми хоть их.»

«Вот Всемилова невеста!
«Не богата, не бедна,

«Видом и душой Прелеста,
«Нравом ангел, и умна;
«Благородны сердца чувства
«С милой простотою в ней,
«И приятны искусства
«Будет в суженой твоей.»

Сей Милону: «Ты сердечно
«Будешь добрую любить;
«О судьбе своей конечно
«Ты не станешь слезы лить:
«Будешь в милой ты уверен,
«И не будешь больше вновь
«Ни возлюбленной неверен,
«Ни в досаде на любовь.»

Миловиду: «Благонравна,
«Прозорлива и скромна,
«Завсегда веселонравна,
«И отнюдь не ветрена.
«Не красавица собою,
«Но довольна хороша;
«Будешь счастлив ты судьбою:
«В милой — милая душа.»

Я руками восплескала,
Сердцем радовалась я;
Ах! каких невест искала,
Тех найдут мои друзья!
Но сколь я неосторожно
Позабыла одного;
Все билеты: где же можно
Взять еще и для него?

Купидон хитрец смеется
И вручает мне билет. —
Милолику достается
Милой Душеньки портрет.
«Кто полюбит так сердечно,
«Как я первую любил,

«То вторую всеконечно
«Для того я сохранил.»

Низко, низко поклонилась
За билетец я его,
А за сердце поручилась
Милолика своего.
Тут мгновенно нас оставил
Дорогой наш Купидон;
Лотереей нам доставил
Горе, смех и радость он.

Cupid's Lottery³⁰

*Suddenly he stood before us,
Much-esteemed, a god who's kind, yet
Cruel, his quiver full of arrows,
Bow in hand, the string pulled taut.
After taking fright at Eros,
'Cupid!', we exclaimed aloud.
With a laugh he spoke to us,
'So, you recognized my curls!'*

*Then he added, 'Calm yourselves,
I don't want to pierce your hearts,
Do not fear my cunning tricks,
I am here to make my peace.'
Then he took a golden key,
Opened up his tempered casket,
Scattered from it at our feet
Innumerable little hearts.*

*'I will hold a lottery,
There are tickets for you all,
All these hearts are in my power,
I will pass them on to you.
All the tickets win a prize,
There will be no losers here,*

30 Translation by Emily Lygo.

*I declare that you can choose
Any ticket that you wish.*

*For yourself, and those you love,
Pick a ticket, any one,
As for thoughts of hopelessness,
Put them boldly to the side.
Are you ready to begin,
Take part in my lottery?
Take a look at your own fate,
Don't be shy now, come and see.*

*All at once Alina ran,
Took a ticket quickly, then,
Conceited, much as usual,
Read the answer she had picked:
'Good and kind—O! good enough
But nonetheless a featherbrain,'
Then Alina felt her heart
Fill with fear beyond control.*

*Next brave Tirsis, in a flash,
Leaping up, to Cupid went,
Cupid winked at him in jest,
Showed him how to pick his fate.
'Sweet, sweet-natured too she'll be,
With sharp wits, and yet not poor;'
Tirsis cried, 'That's great! That's great!'
'But she's much too scatter-brained!'*

*'Now it's your turn, Nisa, dear,'
Were the next words Cupid said,
'With the beauty of Adonis,
He's a real-life Celadon.'
With the ticket in her hand,
Nisa read these words alone,
Then she blushed and gave a laugh,
Was she happy with her fate?*

*Bogaton then hurries proudly,
It's his turn to pick a ticket,*

*Straight away he turns it over,
There he reads 'This is your fate...
To be loved by the repugnant,
To regret an unkind time,
To be classed a golden fool,
Live with one you cannot love.'*

*Modestly now Ida walks up,
Takes her ticket, now she reads,
'Once more, Philemon and Baucis,
Will your images see the light.
Those who don't expect too much,
Those content with a small lot,
They will find that fate rewards them
More than hundredfold for that.'*

*Liodor now in a quandary,
Takes his turn to go to Cupid,
Cupid soon dispels his doubt,
Here's the answer he received:
'Be content with what fate gives you,
And be at the same time patient,
You'll receive the happiness
You've warranted through how you've lived.'*

*Now we see how Flena reads:
'Croesus, what a jealous fool,
Humbly kneeling down before you
Brings his offer of a crown.'
Flena says 'To hell with you',
Rips her ticket angrily,
'I will be consoled by fate
With a fortune and reward.'*

*Cupid looked at her and smiled,
Said, 'What is there to be done?'
Then he turned to Milovzor,
Pointed to the lottery.
'She'll be blessed with talent, riches,
Noble name and handsome face,*

*But the pleasures of the soul
Will be elusive dreams for you.'*

*Then Aglaia takes her turn,
On the ticket reads 'Your dearest
Burns with passion just for you
But will crush you with his grief.'
Flora next: 'At any time
Your beloved will annoy,
He'll seek out for company
Bacchus, or a game of cards.'*

*In his ticket Liubim sees:
'Una cosa rara in the
Whole wide world is your dear wife,
She will bring you ruin, you'll see.
Cunning thoughts, malicious, sly,
All these qualities combined,
She will pave the way for you,
Push you to an early grave.'*

*Then Temira's turn was next,
She received her ticket, read:
'Well, he'll have a grey beard, see,
Granddad, half a century old,
Not to worry, though it's boring
Living with old age in youth,
You'll be living comfortably,
You'll not learn of misery.*

*Here's the fate Aurora took:
'You'll attract the Muses' child,
He will capture you—and soon,
You will seal your bond with him.'
Now once more, but timidly,
Chloe makes her way to Cupid,
In her ticket now she finds
Happiness and also love.*

*Lida's turn to read the ticket
That she took with some disdain:*

*'Everyone will have respect
For the one who's dear to you.
Famous for his brave heroics,
Young, and easy on the eye,
Kind, his words are genuine,
And his soul is close to yours.'*

*Cupid then said, 'Laura, tell me,
Why do you not take your turn?'
'Eros has no prize for me.'
'Choose then, for your dearest ones.
Now that only three are left,
All of these are for your friends,
Though you've got the last ones left,
So be it, they're yours to take.'*

*'Here's a bride for Vsemilov!
She's not rich, but neither poor,
With the look and soul of Prelest,
And an angel's nature, smart,
In her heart are noble feelings,
She is sweet simplicity,
In the girl you are betrothed to
All the pleasant arts combine.'*

*This to Milon: 'Earnestly
You'll adore a lovely girl,
You will have no cause to shed
Tears for how your fate's turned out.
You'll be certain of your lover,
And you'll never need again
To have doubts of your beloved,
You will not grow tired of love!'*

*To Milovid: 'She's noble-natured,
Modest and has fine insight,
Always of a cheerful nature,
Yet you'd not say scatter-brained.
Not a beauty in herself,
But her looks are good enough,*

*You'll be happy with your fate,
Your beloved's soul is dear.'*

*I threw up my hands with joy,
Celebrated in my heart;
Just the kinds of brides I'd hoped
All my friends were going to find.
But I've acted carelessly,
And forgotten one last man.
All the tickets gone, where can
One last fate be found for him?*

*Cunning Cupid gave a laugh,
Handed me another ticket,
And for Milolik I have
A portrait of a dear Sweetheart.
'He who loves as faithfully,
As I loved my first beloved,
Loves the second just the same,
That's why I've saved this for him.'*

*Then I bowed so low, so low,
Thanking him for this, his ticket,
And assured him that I was
Sure of Milolik's true heart.
Then quite suddenly he left us,
Cupid, who's so dearly loved,
With his lottery he gave us
Sorrow, laughter, also joy.*

К судьбе³¹

*Скажи, проказница старушка,
Которую зовут Судьбой!
Уже ли я тебе игрушка,
Что так мудришь ты со мной?*

*То вдруг меня ты приласкаешь,
То прочь с досадой оттолкнешь;*

31 Naumova 1819, 'K sud 'be', pp. 59–64.

То близко к счастью подпускаешь,
То в пропасть лютых бед столкнешь.

То путь усеешь мой цветами,
То терн посадишь на него;
То окружишь меня друзьями,
То всех возьмешь до одного.

От горяль отдыхать я стану, —
Ты тотчас снова мне грозишь;
Лишь чуть крушиться перестану,
Меня, иль милых мне разишь.

Я не сказала бы и слова
Противу строгости твоей,
Когдаб, ко мне ты быв сурова,
Не трогала моих друзей;

А то и очень сердцу больно,
Что ты ужь добралась до них.
Что ни терплю — все не довольно;
Нет, нада тормошить и их.

Ну, гдеб когда ты ни бродила,
А в хижинку мою зайдешь;
Путем ни раз не выходила,
Все что нибудь да уведешь:

То резвы игры, то утехи,
Здоровье, радость, иль покой;
То удовольствие и смехи
Прочь гонишь ты своей клюкой.

Добро бы чем я докучала
Неумолимая! тебе;
Пущай бы ты тогда ворчала
И знать давала о себе;

А то, живу уединенно,
Друзьями, лирой веселюсь,
Живу спокойно и смиренно
И за фортунной не стремлюсь,

И тут тебе досадно стало,
И ты наслала злых людей.
К чему так умничать пристало
И ссорить искренних друзей?

Иль мало я еще терпела
В прошедши годы от тебя?
В шестнадцать лет осиротела,
Крутила горестью себя;

Лишилася я сердцу милых
И кровных тратила своих;
В воспоминаниях унылых
Искала тщетно призрак их.

Скажи, на что еще завидно?
Что лишняго еще нашла?
Старушка! Бабушка! обидно —
И за последним ты пришла.

О чем, скажи, еще хлопочешь?
Что надо милости твоей?
Чего еще, чего ты хочешь
Из бедной хиженьки моей?

Здоровья что ли? На полтину
Его и нищим не продашь,
И живописцу на картину
Ты ни одной черты не дашь.

Красы? — подавно не бывало.
Веселья? — вовсе ничего,
И удовольствие пропало.
Покоя? — Нет ужь и его.

Фантазия, — и та затмилась,
И лира изредка звучит;
Воображенье притупилось
И Муза робкая молчит.

Взгляни: вот я сам-друг с тоскою
С утра до вечера сижу,

Залившись слезною рекою,
На лик Спасителя гляжу.

Ты горе не возмешь с собою,
И слез не надобно тебе;
А Муза с лирой пред тобою:
Возьми пожалуй их себе.

Но больше, право, мне не можно
Тебе представить ничего;
Ужель отнимешь ты безбожно
Надежду сердца моего?

Нет, бабушка! хоть разсердися,
Ее из хижинки моей
Ты увести отнюдь не льстися;
До гроба не разстанусь с ней!

Ты сколько ни грозись, не можешь
Противу правды ничего;
Ты истину не переможешь.
Убойся Бога самого!

Ты гонишь нас несправедливо
В угодность зависти людей;
Мы страдаем терпеливо
И вновьждемся ясных дней.

Ну, ныне для чего изволишь
Ты буйной головой качать?
За чем меня с друзьями школишь,
Чтоб так лишь, только огорчать?

Учи себе людей коварных,
Лукавых, хитрых усмири,
Исправь сердца неблагодарных,
А нас безвинных примири!

*To Fate*³²

*Tell me, whimsical old lady,
Whom we usually know as Fate!*

32 Translation by Emily Lygo.

*Do you see me as a plaything,
Since you treat me in this way?*

*Now you see fit to caress me,
Now, annoyed, push me away,
Now you let me near to joy, yet,
Now I'm back to misery.*

*Now you strew my path with flowers,
Now it's thick with thorny sloe,
Now my friends are all around me,
Now you take them all away.*

*As soon as respite comes from sadness,
Straight away your threat returns,
Once I start to leave my grief, you
Strike me, or the ones I love.*

*I'd not say a word against such
Harsh severity, if when
You dealt a fate that's cruel to me,
You'd only leave my friends alone;*

*But you've caused my heart such pain,
Because you've touched their lives as well,
It seems my sufferings aren't enough,
No—then you have to plague them too.*

*And when you've been out wandering
And called into my humble home,
Always have you taken something
When the time has come to go.*

*Now it's playful games, now pleasure,
Health or happiness, now peace;
Now your stick will chase away
Laughter and contentedness.*

*It's not as though I've pestered you,
Or never ceased to bother you!
Then I grant that you would grumble,
Let me know the way you felt.*

*But my life is solitary,
Just my friends and lyre give joy,
Peace and calm are all, I don't
Go seeking out a better lot.*

*Still you get annoyed by this,
Evil people come my way,
Why plague me with your clever tricks,
And drive a wedge between good friends?*

*Is it that I've suffered little,
In the last few years from you?
At sixteen I was an orphan,
Misery enveloped me.*

*My heart's lost so many dear ones,
And I've lost my flesh and blood,
Though I scour my painful memories,
Nowhere can I find their ghosts.*

*Tell me, is there more you covet?
Is there something else to take?
Oh, old woman, I'd be outraged
If you've come for what I've left.*

*Tell me what more are you seeking?
What else is it you desire?
What more can it be that you would
Take from my poor little home?*

*Health? You could not sell mine for
Two or three roubles to the poor,
I've no feature you could give
An artist to adorn his work.*

*Beauty? I've had none a long time,
Joy—no, none of that at all.
Contentment? No, there is none left,
And there is no peace either now.*

*Imagination—that's now dimmed,
Now my lyre rarely sounds,*

*All my thoughts have grown quite blunt,
And the timid muse stays quiet.*

*Here I am with double sorrow,
Here I sit from dawn to dusk,
When I've shed a pool of tears
I gaze upon the Saviour's face.*

*You won't take this sorrow with you,
And you have no need of tears,
Here's the Muse, her lyre with her,
Take them, if that's what you please.*

*But apart from this, it's true,
There's nothing I can offer you,
I can't believe you'd be so cruel,
To take away my heart's last hope.*

*No, even though you may be angry,
Don't you dare to try to take
This from my little cottage, no,
I'll take my last hope to the grave.*

*Nothing that you say can change,
Do anything against the truth.
You cannot change reality,
And even you fear God himself.*

*It isn't fair, the way you leave us
Subject to some envious whims,
But patiently we suffer this,
And wait for better days to come.*

*Why is it now that you see fit
To shake your head tempestuously,
Why discipline my friends and me,
Just to cause us bitterness?*

*By all means, go teach scheming people,
Stay the cunning and the sly,
Cure the hearts of the ignoble,
But let us innocents have peace!*

Возражение судьбы³³

Старуха предо мной явилась,
Каких не видывал и свет;
Нахмуря брови, так бодрилась,
Как женщина во цвете лет.
Ко мне взор строгой обращает,
Ты вызов сделала Судьбе?
Она с надменностью вещает:
Я здесь ответствовать тебе.

И без того уже не мало
Неправедных укор:
Хоть чуть кому жить тошно стало,
Кричит, что делаю я вздор.
Свои проказы забывают,
Не взглянет на себя никто,
Судеб Судьбину вызывают,
Ни дай, ни вынеси на что.

Как будто бы я у безделья
Досуг имею завсегда.
Нет, детушки! не до веселья
И мне бывает иногда:
Не шутка править колесницей,
Машину дивную вертеть,
В мои года летая птицей,
Предвидеть все, везде поспеть.

Но вот я, в добрый час собравшись,
Наскуча жалобы сносить,
И от хлопот своих убравшись,
Пришла сама вас допросить!
За чем же днесь, как в древни веки,
Уже вы перестали жить?
Мне делаете вы упреки,
А не хотите послужить?

33 Naumova 1819, 'Vorrazhenie sud 'by', pp. 65–75.

А ты, не только что словами,
Но потрудила ужь себя
Со мною спор вести стихами;
То начинаю я с тебя.
Пеняешь в том, что огорчаю
Тебя, или друзей твоих,
Что буйной головой качаю
То на тебя я, то на них.

А как бы ты еще и смела
Со мной в расправу выступать?
Или разсудку не имела,
Чтобы так дерзко поступать?
Одной ли я тобой играю?
Я всей вселенною верчу;
Там милую, а здесь караю, —
Творю, что только захочу.

Ненастье в ведро обративши,
В день ясный насылаю гром;
Как лужу море возмутивши,
Из тишины творю содом;
Царей я делаю рабами,
Рабов в вельможи вывожу;
Явлю безумцев мудрецами,
Героя в трусе покажу.

Но ни к кому не быв пристрастна,
Забочусь обо всех равно;
Мной каждому не понапрасна
Определение дано.
Даю, беру и возвращаю
Блаженство, славу и покой;
Тому польщу, сему стращаю,
Сих тешу, тех крушу тоской.

Да против этаго и слова
Никто и пикнуть мне не смей:
Добра ли я, или сурова,
Ко мне почтенье всяк имей.
Я действую по Божьей воле,

А вы творите по моей;
И быть должны во всякой доле
Довольны участью своей.

Хотя и горько — не ропщите
И лейте слезы про себя,
Скрепите сердце и молчите,
Свои вериги возлюбя.
Я знаю, что мне делать должно
И для чего и по чему,
И спорить вам о том не можно,
Какой я жребий дам кому.

На сем, голубушка! с тобою
На верной взвешу я безмен,
Тебе что выдано судьбою,
За то, что не дано в замен.
Припомним-ка: иль не видала
И ты приятных, красных дней?
Или ни чем не услаждала
Я горести души твоей?

Когда еще ты не родилась,
Отца лишилась своего,
И в детстве ты не насладилась
Любовью, нежностью его,
За то еще ль не наделила
Я доброй матерью тебя?
Шестнадцать лет ты веселила
Ея горячностью себя.

Шестнадцать лет не зная печали,
Мой друг! блаженствовала ты,
Часы на крыльях быстро мчали
Очаровательны мечты;
Но срок — на урну ты склонилась
И слезы горестны ты льешь,
Сама к себе ты обратилась,
Себя с тоскою познаешь.

Конечно, поступила строго,
Немилосердо я с тобой:
Отрады для тебя немного
Быть полузрячей, пол-глухой,
Лица приятность отказала,
Тебе ум острый не дала,
Смешной фигурой наказала,
Быть ловкою не нарекла;

Ну, словом, я определила
Тебя не бабочкой летать,
Талантами не наделила,
Чтоб ими в обществе блистать:
За то и душу не коварну
В тебя, мой друг! вложила я,
Но нежную и благодарну
Приобрела ты, дочь моя!

Я в список дружества включила,
Что ты для дружбы рождена,
И дружеству тебя вручила,
Ты в дружбе мной награждена;
Так не пеняй же, что Судьбою
Ты позабыта навсегда:
Незримый Гений был с тобою
И не оставит никогда.

Он, руководствуя всечасно
И сердцем и душой твоей,
Лишь с волею моей согласно
Тебе назначил двух друзей;
Не ими ли в протекши годы
Ты мной утешена была?
Но нет весны без непогоды;
Ты снова слезы пролила.

Так чтож? Не я — злой рок наводит
На вас безсовестных людей,
Вражду меж вами производит

По сродной зависти своей.
Что делать, детушки любезны!
Всему своя черда, свой час;
Теперь упреки бесполезны;
Я времем оправдаю вас.

И отягченная бедами
Ты постоянство сохранишь,
И позабытая друзьями
По гроб твой им не изменишь.
Пускай злословие стремится
Отнять их дружбу у тебя;
Она в душе твоей хранится
И ей ты оживи себя.

Не всех несчастнее ты в мире,
В уединеньи не одна;
Играешь ты на скромной лире
И с Музами еще дружна;
Поэзией ты изливаешь
Все чувства сердца своего,
Склонясь на лиру, забываешь
На час ты горести его.

Быв от природы нековарна,
Пожалуй, пустяков не ври;
Не будучи неблагодарна,
Мне вздору ты не говори.
Когда всех разом отнимала
Друзей я милых у тебя?
Но коль лукавых обнимала,
То в том вини сама себя.

За чем ты, не спросившись броду
И не узнав сперва людей,
Изволила соваться в воду?
А все от простоты своей.
Ведь тридцать стукнуло, возможно
Уже собраться и с умом.
За чем ты так неосторожно
Связалась дружбой с подлецом?

За чем, на перекор ты свету,
С коварных маски сорвала?
За чем фальшивую монету
Нечистым золотом звала?
Когдаб смотрела хладнокровна,
Что все язвят друзей твоих,
Ты в том бы не была виновна,
Что остеречь хотела их.

Вперед наука! — Лицемерным
Не доверяй ты никогда,
И даже с самым другом верным
Будь искренна, да не всегда.
Одна ты свет не переучишь,
Разврат во нравах не смиришь;
Одним моралью ты наскучишь,
Других — со смеха уморишь.

Мой друг сердечной! ужь не в моде
По чувствам сердца говорить;
Коварство, ненависть в народе
В черед и мне искоренить.
Сама вотще я поученья
И тем, и сим преподаю;
Да только знать нравоученья
Все безтолковым я даю.

Уже и прутом я железным
На свой их не поставлю лад;
Большой простор друзьям любезным
Такой чудотворить разлад.
Но вот как возьму гремушку
И ею всем задам толчок,
Так вспомнят же небось старушку
И затвердят ея урок.

Забудут у меня раздоры,
Ненависть, зависть, клевету,
Лукавство, хитрость, злобу, ссоры,
Пронырство, козни, суету;

Надменных, гордых я унижу
И самолюбие попру;
Высокомернаголь увижу —
Кичливой рог тотчас сотру.

Заставлю жить я поскромнее
И добродетель уважать;
Все ставши опытом умнее,
Не будут ближних обижать;
Старухи умничать не станут,
Повес проклятых усмирю;
Кокетки мудрить перестанут,
Мужей с женами примирю.

Прижму я в руки непокорных,
Нетерпеливых проучу;
Изобличу ханжей притворных,
Уму лжемудрых научу:
Авось злословие не тронет
Уже невинных наконец,
В слезах счастливой не потонет
И смолкнут жалобы сердец.

И ты, голубушка! мне снова
Упреками не досаждай;
Как быть, что я кажусь сурова:
Когда предписано — страдай.
Смиренье — свойство несчастливых,
А вера есть подпора их;
Надежда — чувство терпеливых,
И я всегда пекусь о них.

Старуха с словом сим простилась
И уплелась, Бог весть, куда;
Опомнясь, я перекрестилась,
Что так сплыла моя беда.
Нет, будет, бабушка! с тобою
Вперед судиться не хочу;
Играй, премудри надо мною,
А я поплачу, да смолчу.

Fate's Rebuttal³⁴

*An aged woman appeared before me,
The like the world has never seen,
With knitted brow, her spirits fine,
She's like a woman in her prime.
She looks at me, her countenance stern,
Are you the one who challenged Fate?
She haughtily lays down the law:
I've come to answer your complaint.*

*I have enough unjust reproaches
Without yours adding to the list,
As soon as anyone feels wretched,
He cries and lays it at my feet.
He won't remember his own mischief,
No one looks within himself,
They call upon the Fate of Fates,
Though no one knows the point of this.*

*As if I'm always at my leisure,
Occupied by idleness.
No, children! Sometimes even I
Do not feel up to joyfulness;
It is no joke to steer the chariot,
See the great machine keeps going,
Flit about like some small bird,
To foresee all, be everywhere.*

*But here I am, up bright and early,
Tired of hearing these complaints,
I've finished all my tasks and now
I've come to cross-examine you.
Why have you now, as in times past,
Already ceased to live your life?
You're ready to reproach me, yet,
You've no desire to help yourself.*

34 Translation by Emily Lygo.

*And since you have not only used
Your words, but made an effort to
Conduct your quarrel in rhymed verse,
I think I'll make a start with you.
It's your reproach that I bring grief
To either you or else your friends,
That I just shake my stormy head,
Sometimes at you, sometimes at them.*

*How can it be you even dare
To lay reprisals at my door?
Perhaps you've lost your common sense,
And so you act so brazenly?
You think I play with you alone?
I have the world to spin around.
While here I punish, there I'm kind,
I do whatever comes to mind.*

*I whip a storm up in a teacup,
Send thunder on a summer's day;
I churn the sea like it's a puddle,
Make Sodom where before peace reigned.
Then I'll transform kings into slaves,
While slaves turn out to be grandees,
I make a fool appear a wise man,
Expose the hero in the coward.*

*But since I have no favourites,
I spread attention equally,
You'll all receive, all without fail,
Your destiny worked out by me.
I give, I take, and I give back,
Now bliss, now fame, now peace and quiet,
I favour one, but scare another,
Help some, and others crush with sorrow.*

*You should not even think of uttering
A squeak of protest against me, no:
I'm sometimes harsh, I'm sometimes kind,
But you must all respect my role.*

*I act according to God's will,
And you in turn are ruled by mine,
No matter what your future be,
Be happy with your destiny.*

*Though life is hard, don't grumble now,
Shedding tears for your own fate,
But brace your heart and keep your silence,
Learning how to love your chains.
For I know what I have to do,
And why and what the purpose is,
I cannot argue with you over
Fates I've given, and to whom.*

*And so, my dear! Now in your case,
I'll weigh your fortune on a steelyard,
Setting what you've had from fate
Against that which you haven't had.
Let's remember, have you ever
Lived through happy, pleasant days?
Have I ever given sweetness
To the sadness of your soul?*

*Before you even had been born
You lost your father, so those years
Of childhood you could not enjoy
A father's love and tenderness.
But on the other hand, did not
I give you such a gentle mother?
Sixteen years did you enjoy
The fervent love she held for you.*

*For sixteen years you knew no sorrow,
Friend! you lived a life of bliss,
The hours were winged, they flew so fast,
As though they were enchanted dreams.
But time passed, and it was your turn
To weep for ashes bitterly,
You had to turn and face yourself,
To understand yourself through grief.*

*Of course, I dealt with you severely,
Was not merciful with you,
There's little joy for you in having
Weakened sight, poor hearing too,
I didn't give you pleasing features,
Nor a quick or clever mind,
I cursed you with a funny figure,
Made your movements unrefined.*

*Well, in a word, your fate was not
To flutter like a butterfly,
I did not give you gifts to make
You dazzle in society;
But neither did I furnish you,
My friend, with a deceitful mind!
No, you received, my daughter dear,
A spirit generous and kind!*

*You figure on the list for friendship,
I made you born to be a friend,
Entrusted you with friendliness,
Rewarded you with special friends.
So don't reproach me, claim that Fate's
Forgotten you forever more,
The unseen Genius visited you,
And never will it leave you more.*

*Both day and night, without a break
It governs both your heart and soul,
It could not bless you with two friends
Without receiving my consent;
Weren't they the ones in years gone by
Who helped me bring you comfort, help?
But there's no spring without a storm,
Time came for you to weep again.*

*It isn't me, but evil fate
That foists unscrupulous friends on you,
The enmity between you comes
From envy that's in all of you.*

*There's nothing to be done, my dears!
For all things have their time, their hour,
There's no use in reproaches now;
We'll have to wait for time to tell.*

*And though you're worn down by your woes,
You hold on to your constancy,
Although forgotten by your friends,
You won't betray them to the grave.
Although malicious gossip strives
To bring your friendships to an end,
They are preserved within your soul
And they are what keep you alive.*

*You aren't the worst off in the world,
You're not alone in loneliness;
You play upon your modest lyre
And still keep friendship with the Muses;
With poetry you can pour out
All the feelings of your heart,
And bent over your lyre, forget
Your sorrows for an hour at least.*

*It's not your nature to be cunning,
So please, leave speaking empty words,
You are not one to be ungrateful,
You shouldn't talk such rot to me.
When have I ever taken all
Your bosom friends away from you?
And if you trusted in false friends,
You only have yourself to blame.*

*Why did you not test the water,
Not first try these new friends out?
Instead you waded straight on in,
You let your simple nature lead.
But after all, now you've turned thirty,
Now it's time for you to learn.
Why have you so incautiously
Begun a friendship with a rogue?*

*Why pick a quarrel with the world
And tear the masks away from traitors?
Why take a coin you know is false
And claim that it is tarnished gold?
And if you saw objectively
Some people wounding your dear friends,
No one would blame you if you wished
To get a warning sent to them.*

*Ahead with learning! Do not ever,
Place your trust in hypocrites,
And even with the truest friend,
Be honest, but not all the time,
Alone you cannot change the world,
Or put perverted morals right,
And moral preaching makes some laugh,
While others will be bored to tears.*

*My heartfelt friend, it's not in vogue
To talk of feelings of the heart;
But I too will set about
To root out hate and bad in man.
Even I must find myself
Teaching lessons all in vain,
The moral lessons that I give
Are wasted on these senseless lives.*

*My iron whip no longer works,
To bring them into harmony,
And if you give friends liberty,
It only brings about discord.
But if I shake my rattlesnake's tail,
Use it to nudge them from behind,
They soon remember this old woman,
And even learn a lesson of mine.*

*With me they soon forget their quarrels,
Their hatred, gossip, envy too,
Their cunning, malice, and betrayals,
Their pushiness and vanity.
The proud and haughty I demean,*

*I trample on the narcissists,
If someone's haughty, arrogant,
I shake the rattle of conceit.*

*I make them live more modestly,
Make them hold virtue in esteem,
Once wiser from experience,
They won't offend dear ones again;
Old women won't start getting clever,
I'll deal with all the wretched rakes;
Coquettes will stop their scheming ways,
Husbands and wives will make their peace.*

*My hands will crush recalcitrance,
I'll show impatience how to wait,
I'll unmask false hypocrisy,
Teach sense to those that would seem wise:
And in the end the malice won't
Bring detriment to innocence.
The happy will not drown in tears,
The sorrow of your hearts will cease.*

*And you, my dear, do not again
Come bothering me with your reproach,
What can you do if I seem harsh:
When Fate's decreed that you will grieve?
Acceptance helps the suffering,
And faith will be support for them;
Hope is nurtured by the patient,
And I will always care for them.*

*With this the woman said farewell,
And disappeared to God knows where.
I came around and crossed myself,
Because my grief had passed away.
No, that's how things will be, old woman,
I will not judge you from now on,
So play with me, play tricks on me,
Though I may cry, I'll say no more.*

